

ють, что онъ долженъ дѣлать, а собственная воля его тутъ ни-при-чемъ. Если понимать произволъ въ смыслѣ свободы воли, какъ дѣйствія безъ причины, то исторія, какъ наука, въ самомъ дѣлѣ, невозможна; но гр. Толстой собственно отрицаетъ произволъ, какъ дѣйствіе по собственному изволенію, хотя бы и имѣющее причину. «Если,—говорить онъ,—воля каждого человѣка была свободна, т.-е. *каждый могъ поступить такъ, какъ ему захотилось*, то вся исторія есть рядъ безсвязныхъ случаиностей. Если даже одинъ человѣкъ изъ миллионовъ въ тысячелѣтній періодъ времени имѣлъ возможность поступить свободно, т.-е. *такъ, какъ ему захотилось*, то очевидно, что одинъ свободный поступокъ этого человѣка, *противный законамъ*, уничтожаетъ возможность существованія какихъ бы то ни было законовъ для всего человѣчества» (VI, 266). Выходитъ такъ, что возможность поступать по желанію, въ которой никто не станетъ сомнѣваться даже изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ свободы воли, въ смыслѣ безпричинности, противорѣчить законамъ, т.-е., другими словами, человѣкъ дѣйствуетъ не такъ, какъ самъ хочетъ, а какъ его при-нуждаютъ поступать законы. Въ такомъ случаѣ, слово «произволъ» должно было бы быть совсѣмъ выкинуто изъ философскаго словаря гр. Толстого: произвола нѣть не только въ смыслѣ безпричинности, что вѣрно, но и въ смыслѣ изволенія, что ужъ совсѣмъ невѣрно.

Мы еще увидимъ, что именно гр. Толстой называетъ въ исторіи законами, а пока достаточно указанія на то, что, отрицая свободу воли, онъ понимаетъ эту свободу, имъ отрицаемую, не по отношенію къ формулѣ: «всякое дѣйствіе предполагаетъ извѣстную причину, какъ достаточное основаніе», — а по отношенію къ формулѣ: «всякое явленіе подходитъ подъ извѣст-